

ТЕОРИЯ ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Феномен «второй кожи»

М. Р. Стефановска

Стефановска Маргарита Радовановна – психолог (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный консультант.

Термин «вторая кожа» и его концепция, сформулированные Эстер Бик, с 1968 года существуют в психоаналитической теории. В психоаналитическом пространстве введенный Д. Анзье термин «Я-кожа» является более употребимым. Название «вторая кожа» требует дополнительных пояснений – как смысла термина, так и концепций, связанных с ним.

Исследование происхождения термина «вторая кожа», а также рассмотрение развития трактовок термина «кожа» в психоаналитическом пространстве могут способствовать лучшему пониманию самой концепции «второй кожи». В той же степени важно прояснить расхождения авторов в терминологии, во взглядах на «кожу» в психоанализе. Является ли «вторая кожа» эквивалентом или частью «Я-кожи» или отдельным термином, продолжением исследования кожи в психоаналитическом поле?

Кожа – слой защиты от возбуждения, контейнер, оболочка, конверт. Продолжая цепочку определений кожи, можем ли мы добавить: кожа как «психическая сцена» и кожа как «холст»? Какая роль отведена татуировкам и пирсингу в психоаналитической работе с пациентами и как это связано с эволюцией концепции «вторая кожа»?

Частое нанесение татуировок на кожу, прокалывание кожи (пирсинг) наблюдаются у депрессивных, меланхолических субъектов, особенно у пациентов подросткового возраста, важность и сложность работы с которыми озвучивается во время психоаналитических конференций.

Ключевые слова: кожа, «Я-кожа», «вторая кожа», контейнер, оболочка, конверт, татуировка, пирсинг, прокалывание, граница, интроекция, фантазм, влечение, инкорпорация, депрессивные, меланхолический, субъект, объект, агрессия, тело, травма, пространство, антропология, философия, телесное Я, психическое Я, Сверх-Я, проекция, след кожи, поверхность тела, теория, термин, концепция, боль, удовольствие, отверстие, сома, слой, контур, нарциссизм, идентичность, инаковость, регрессия, либидо, метафорическое, ментальное, перцепция, перфорация, атака, кадр, самость, самоповреждение, символизация, проторепрезентация, аналитический процесс, феномен, радикализация, эксгибиционизм.

На пересечении антропологии, философии и психоанализа подчеркивается, что через тело субъекты могут сделать свои истории видимыми и даже попытаться сконфигурировать воображаемую идентичность. Некоторые из этих телесных надписей могут быть приглушены в результате травмы, не зафиксированной в символическом поле.

Татуировки – знаки тела, которые представляют собой формы стилистической демаркации и указывают на этику диссидентства. В этой перспективе тело приобретает статус социального оператора, а знаки представляют собой модальности отношений с обществом. Но необходимо подчеркнуть, что, несмотря на признание существования этих практик в различные моменты истории и в нескольких культурах, теоретики выявляют характерную для современного мира связь пирсинга и татуировки с украшением или с искусством, то есть татуировка является произведением искусства (*Pires, 2003*).

Тело начинает занимать привилегированное пространство проявления психических конфликтов и средства коммуникации. Поэтому стоит задуматься, почему оно стало объектом изучения различных областей знания, таких как психология, психоанализ, история и антропология; ведь картезианская философская традиция отводила телу второстепенное место (*Courtine, 2008*). Тело было теоретически изобретено в XX веке, и Фрейд будет главным ответственным за его новое восприятие. Фрейдистская теория предлагает мыслить шире, чем плотские отношения; тело – это не только биологический организм. Его пересекает язык, а это, в свою очередь, заставляет тело существовать вне чисто плотских ощущений.

«Я – это прежде всего телесное Я; это не просто поверхностная сущность, но и сама по себе проекция поверхности». В английском переводе 1927 года за этим предложением следует сноска, которая, по словам Джеймса Стрейчи, была разрешена Фрейдом: «Я в конечном итоге происходит от телесных ощущений, в основном от тех, которые исходят с поверхности тела. Таким образом, его можно рассматривать как психическую проекцию поверхности тела, кроме того, представляющую Сверх-Я психического аппарата» (*Werbart, 2019*).

Фрейд построил всю свою теоретическую конструкцию, пытаясь прояснить страдание тела. Тесная связь существует между конституцией Я и тела. Самость – это прежде всего телесная самость, и боль играет важную роль в формировании этой эгоистической идентичности, в процессе демаркации самости, поскольку болезненные заболевания, возможно, являются моделью того, как мы вообще приходим к представлению о своем теле. Эти знаки на теле определяют объективные и субъективные границы, поскольку помимо демаркации конкретных границ тела они позволяют принадлежать к группам, основанным на знаках тела. Можно разделить на группы татуированных людей, где есть группа протестующих и группа эстетического поклонения красоте. Однако, сохраняя различия между группами, нельзя отрицать, что татуировки приглашают к перспективе ощущений и восприятий (*De Oliveira Moreira et al., 2010*).

Фрейд связывает самость с телом, показывая, что именно на поверхности, то есть на коже, зарождаются внутренние и внешние ощущения.

Следы на теле позволяют получить сенсорный опыт, который в акте их создания объединяет боль и удовольствие и создает границы «Я-кожи». Но помимо этого удовольствия он (опыт) может быть проявлением эксгибиционизма, в частности. Телесные практики могут быть связаны с влечением к смерти, то есть это реальные следы того, что выходит за пределы поля репрезентации. Таким образом, знаки могут быть попытками изобразить неупоминаемые и немислимые муки субъекта или даже отрицать эти первобытные муки, потому что татуированное тело может перестать быть телом и стать холстом, книгой.

Психические колебания производят воздействие на тело и психику, которые, в свою очередь, подвергаются влиянию со стороны социальной среды. С другой стороны, восприятие тела связано с понятиями времени и пространства, поскольку тело занимает место в пространстве и времени, которое является историческим и индивидуальным. Индивидуальное время тела относится к ритму. Таким образом, ускорение ритма будет оказывать воздействие на организм.

Современность оперирует разрывом с традицией, оставляя лишь пустоту настоящего. Не имея корней, субъект остается со своим телом как с неоспоримой реальностью.

Переход от счастья к безграничному удовольствию приносит с собой страдание, которое в теории Лакана называется *jouissance*. Лакан говорит о *jouissance* как об удовлетворении влечения, всегда связанного с телом. Это делает тело привилегированной формой субъективного существования (Costa, 2003).

В опыте, вызванном вмешательствами, изменяющими тело, субъекты стремятся утвердить свои границы, а также испытать различные возможности ощущений и образов, как, например, создание новых отверстий, контуров и рисование новых зон эротической чувствительности. Трансформации, которые человек производит в теле, представляют не только нарциссические, гедонистические и потребительские черты современных обществ, но, прежде всего, способы субъективной конституции.

Кожа является свидетельством присутствия человека в мире. Кожа может быть звуковой, сонорной, визуальной, сновиденческой оболочкой. Кожа задает отношение с другим и раскрывает личные смыслы, даже те, которые должны были бы остаться скрытым. *След кожи превращается в признак идентичности*, который часто используется для обозначения тел, которые остались анонимными в уголовных делах или на полях сражений, где татуировки или другие особенности кожи являются единственным возможным *удостоверением личности*.

Кожа включает в себя существенный смысл существования – прикосновение. Потерять способность к прикосновению – значит быть лишенным какой-либо точки соприкосновения, парализованным и оставленным другим.

Кожа – это обширная география, питающая различные чувства, она охватывает их на своем холсте, открывая человеку измерения реальности. Кожа также является основным местом эротического контакта, или местом, где можно снять напряженность, усилить возбуждение.

Преобразования поверхности кожи вызывают либидинальную интенсивность, то есть становятся желанными для себя или местом внимания другого.

Кожа является примером создания новой идентичности, поддержания психики. Кожа – это место соприкосновения между культурой и природой, между собой и другим, между внутренним и внешним. Само тело и прежде всего его поверхность являются привилегированным местом для ощущений, устанавливая тем самым сенсорно-перцептивную границу, очерчивающую единство.

Создание поверхностной идентичности через телесные практики – символический инструмент самовосстановления от тревог, травм, утрат. Так кожа больше не является границей, она расширяется символической силой татуировки. Это также связывает индивидуума с социальной группой или обществом. «Вторая кожа» имеет восстановительную или саморасширяющуюся цель, она укрепляет телесное Я, приближая его к психическому Я, прорабатывая детские травмы. Кожа является переходным объектом, это физическая и психическая граница между внутренним и внешним миром, которая всегда раскрывает то, что между психическим Я и телесным Я. Экран, куда человек проецирует мечты, страдания, – это вопрос контейнирующей функции кожи.

Для молодых людей тело – это место самовосстановления, создания нового образа, идентификации с другим. Следы тела – это способ подписать кожу, показать, что она принадлежит себе, в частности при сепарации от родителей. Но для других это место заключения, которое молодой человек иногда хочет разорвать на части. В отличие от подписи речь идет о стирании – самоповреждениях. Тело, которое не было инвестировано любовью в процессе признания или которое было повреждено сексуальным насилием или инцестом, приводит к желанию избавиться от него. Такая кожа – загрязненная идентичность. Отсюда важность *самоповреждения после полученной агрессии, где травмирование тела – это символический способ избавиться от кожи, которая вызывает отвращение.*

Надписи на теле указывают на нехватку символического, и, таким образом, возникает необходимость регистрировать события в реальности, тем самым обходясь без слов. Телесные модификации представляют собой радикализацию реального: когда символический порядок больше не производит социальный порядок, символическое сводится к реальному, оно инкорпорируется, воплощается. Следы на теле свидетельствуют о провале символического и создании фикции свободы. «Не имея возможности изменить мир, мы пытаемся изменить тело, единственное пространство, оставшееся для утопии, для созидания. Телесные утопии сменяют социальные утопии. Хотя кожа претендует на то, чтобы быть проектом в изоляции, она остается прочно укорененной в политике жизни, которая стремится к пространству сингулярности и индивидуальной свободы» (*De Oliveira Moreira et al.*, 2010).

Фундаментальный тезис Анзье заключается в том, что психика построена на *соме* во взаимодействии с окружающей средой. *Весь организм, но особенно его поверхность, включен в мышление. Кожа является самым*

большим органом организма и обеспечивает защитный барьер для окружающей среды. Кожа также является крупнейшим органом чувств, который составляет значительную часть нашего контакта с миром и имеет большое значение в наших социальных и сексуальных отношениях. Кожа получает и сохраняет сенсорные впечатления, но она также является защитным слоем от возбуждения внешнего мира. В повседневном языке мы используем различные метафорические выражения, которые указывают на психологическое значение кожи: быть толстокожим, лезть под кожу (раздражать) и др.

Описание Фрейдом барьеров между сознательным, предсознательным и бессознательным должно быть дополнено пространственными структурами «Я-кожи» и психических оболочек. Изначальный контакт между матерью и ребенком не может быть описан просто как отношения грудного кормления, а должен учитывать контакт «кожи к коже» между двумя телами. В формулировке Анзье «Я-кожа» – *это оригинальный пергамент, сохраняющий вычеркнутые, поцарапанные, переписанные черновики «оригинального» довербального письма, сделанного из следов на коже.*

Центральная мысль концепции «Я-кожи»: психическая оболочка состоит из двух слоев, разных по структуре и функции. Внешний, более жесткий слой на периферии поворачивается во внешний мир и образует экран, который получает и фильтрует возбуждение. Внутренний слой мембраны, более тонкий и чувствительный, принимает, расшифровывает и регистрирует знаки – это поверхность связи и смысла. Это связано с описанием Фрейдом Я как имеющего два слоя, как Mystic Writing-Pad (Волшебный блокнот). Надписи – на верхнем прозрачном листе. Постоянный след того, что было написано, сохранен на нижнем листе. Аналогичным образом «Я-кожа» *асимметрична: нет защитного слоя, обращенного внутрь и действующего в качестве укрытия от возбуждения изнутри.* Основная поверхность имеет функцию регистрации означивающих следов и играет решающую роль в том, как мы справляемся с тем, что исходит изнутри. Именно здесь выгравированы следы памяти, и это основа для построения аппарата для мышления, содержащего, представляющего, символизирующего и концептуализирующего их (Анзье, 2011).

Психические травмы создают отверстия в «Я-коже», что может привести к уничтожению «Я-кожи», стирая разрыв между внутренней и внешней поверхностями. «Боль занимает все доступное пространство и уничтожает различия: лучше умереть, чем продолжать страдать» (Анзье, 2011). «Нанесение» себе физической боли через кожу, например порезав себя, может быть способом испытать себя или ограничить невыносимую боль фиксированным местом. Самоповреждения могут быть попыткой справиться с тревогой.

Слова аналитика и пациента символизируют, заменяют и воссоздают тактильный контакт. В психоанализе символическая реальность обмена более эффективна, чем его физическая реальность, и это защищено психоаналитическими границами. Психоанализ может происходить только при сохранении физического разделения между телом аналитика и

телом пациента. *Устные слова – и даже более, письменные слова – имеют силу кожи* (Анзье, 2011).

Следуя линии мышления Анзье, основной механизм изменения психоанализа заключается в реструктуризации «Я-кожи» и прежде всего в восстановлении внутренней оболочки смысла. Когда либидо слабое и преобладает соблазн к самоуничтожению, односторонняя интерпретация желаний, страхов и фантазий приводит к риску нападений на тело пациента, на способность к мышлению и на жизнь пациента (Анзье, 2011).

В процессе наблюдения за младенцами английский психоаналитик, последовательница Кляйн и Биона Эстер Бик высказала гипотезу о «второй коже» в статье, опубликованной в 1968 году.

«В своей самой примитивной форме части личности ощущаются лишенными связующей силы, и, следовательно, они должны удерживаться вместе тем способом, который воспринимается ими пассивно, посредством кожи, функционирующей как граница» (Bick, 1968). Но эта внутренняя функция – удержание частей самости – существенным образом зависит от интроекции внешнего объекта, который должен восприниматься как способный выполнять эту функцию до тех пор, пока поддерживающие элементы не будут интроецированы, иначе пространство внутри самости не сможет возникнуть. Если этот объект во внутреннем пространстве не возникает, имеет место путаница в отношении идентичности. В дальнейшем идентификация с этой функцией объекта сменяет неинтегрированное состояние и формирует фантазию о внешнем и внутреннем пространствах (Ульник, 2017). Появление психической кожи относится к периоду грудного вскармливания юного субъекта. Этот период может включать раннюю травматизацию, если контейнирующая функция не осуществлена адекватным образом матерью, если коже причинены повреждения деструктивными фантазматическими атаками младенца или нет четкой интеграции идентичности и объектов.

Младенец ищет объект, который бы объединил внимание над частями его тела и воспринимался как объект, удерживающий части самости вместе. Так как контейнирующий объект переживается младенцем именно как кожа, нарушение функции «Я-кожи» (первичной кожи) может привести младенца к образованию формации «второй кожи» – своеобразного замещающего протеза, мускульного эрзаца, заменяющего обычную зависимость от контейнирующего объекта на псевдонезависимость; либо иной формации – пре-символического толка – кожи как «холста» (татуирование), кожи как «экрана» (пирсинг). Концепция «Я-кожи» Д. Анзье, описанная им в 1974 году, соответствует концепции «первичной кожи» Э. Бик (1968), о которой он узнал уже после публикации своей статьи.

Эстер Бик проводит различие между двумя формами «второй кожи» в своей клинической практике: в состоянии «мешка с яблоками» пациент обидчив, нуждается в постоянном внимании и похвале, в то время как в состоянии «бегемот» пациент агрессивен, тираничен и неустанно следует своему собственному пути.

Бик выдвигает идею нового типа нарциссической идентификации и, следовательно, объектных отношений, что предполагает радикально

иной подход к тому, что прежде объяснялось с позиций теории проективной идентификации. Основная идея Бик состоит в следующем: помимо телесности объекта есть тип *подлинно нарциссической идентификации*, при котором происходит почти что *полное совмещение субъекта и объекта*, а вместо представления о «вхождении внутрь» присутствует идея «установления контакта с». Этот процесс является весьма архаичным, и в нем всегда может быть обнаружена *связь с объектом психической реальности, который эквивалентен коже*. Изначально Я воспринимает себя как некую совокупность частей, нуждающихся в объекте, который бы вмещал и объединял их, и этим *объектом психической реальности является кожа*. Инкорпорация этого объекта-кожи должна произойти на более ранней стадии, так как без него невозможна проективная идентификация: *если в Я отсутствует пространство, то проективная идентификация не может функционировать по определению*. Контейнирующий аспект аналитической ситуации прежде всего принадлежит сеттингу, и именно поэтому критически важно строго следовать клиническим рекомендациям в этой области (Bick, 1968).

В этой работе подчеркивается важность психоаналитического кадра и его устойчивости в процессе развития, чем и является аналитическое лечение, при этом учитывается, что анализ представляет собой отношения и эти отношения не продолжаются непрерывно, но прерываются с определенной периодичностью.

При нарушенном контейнировании прежде всего может произойти провал функции символизации, и в таком случае искомая символическая работа может происходить впоследствии благодаря перенесению ее из психического как бы на поверхность кожи (при татуировании, как и при написании картины на холсте). В этом случае собственно «вторая кожа» формируется в процессе психоаналитической терапии, где пресимволический актинг (нанесение татуировки) обретает нужную степень психизации. Так кадр становится синонимом «второй кожи», перфорированной (в метафоре пирсинга) уже символически (возможные атаки на кадр). Психоаналитическая терапия выполняет функцию эмоционального контейнера, способного удерживать вместе различные аспекты личности. Мнемические следы, оставшиеся в психике, вначале транспонируются на кожу как «сцену» (место) для проекций, а затем, в ходе психоаналитической работы, могут быть подвержены психизации и обрести статус репрезентаций.

Аналитическое исследование феномена «второй кожи» приводит к возникновению временных состояний отсутствия интеграции. Только анализ, добывающийся полной проработки первичной зависимости от материнского объекта, может укрепить лежащую в ее основе хрупкость. Необходимо подчеркнуть, что контейнирующий аспект аналитической ситуации главным образом относится к окружающей обстановке, и поэтому это область, где устойчивость техники имеет решающее значение.

Илани Коган в 1988 году развивает концепцию Эстер Бик «вторая кожа», высказывая при этом идею о том, *что функцию контейнирования также может выполнять и аналитическая ситуация*. Обсуждается

клинический пример пациентки – дочери человека, выжившего и пострадавшего в период холокоста. Идентификация с образами отца и матери, воспринимаемыми как поврежденные «контейнеры», в итоге явилась для пациентки источником ее самодеструктивности (Сироткин, Мельникова, 2011).

Психическое пространство развивается уже в раннем детстве, находясь вместе с матерью, отцом, братьями и сестрами и т. д. Здесь многое может пойти не так. Слишком много герметичности, слишком мало собственного, слишком мало «третьего». На данном этапе развивается «первичная кожа», под которой может возникнуть психическое пространство. Если ребенку не удастся создать свое собственное внутреннее пространство в неблагоприятных отношениях, возможно, *возникает бессознательная идея о том, что он тесно связан с матерью через кожу*. Такое ощущение, что он застрял в сумке кенгуру или как будто застрял в конверте с матерью. Тогда мать похожа на «вторую кожу» для ребенка.

Восприятие внутреннего пространства через функцию контейнирования должно быть сначала разработано первичным объектом (матерью), подразумевает возможность того, что этот процесс пройдет неудачно, а затем будут разработаны *компенсационные меры, наиболее примитивные из всех форм защиты*, которые Эстер Бик описала как «вторую кожу». Мать похожа на защитный слой кожи от возбуждения (защитный щит) для ребенка: она фильтрует эмоции и защищает ребенка от наводнения. Мать регулирует границу между собой и ребенком, благодаря чему ребенок узнает свои собственные пределы. Но «защитный щит», например, может быть перфорирован, что может привести к трудностям в различении вас/я, сознательного/бессознательного, души/тела и внутри/снаружи. Или «защитный щит» может закрывать ребенка настолько, что он будет заперт с матерью. Психологически страдающие люди обычно не знают о том, что они застряли во «второй коже» с другим. Это сложно выразить словами, но часто во всех возможных ситуациях наблюдается выраженная клаустрофобия. Часто только в психоанализе такие явления могут стать видимыми, заметными и ощутимыми.

Однако термин «вторая кожа» также используется в положительном смысле, например, когда пациент чувствует что-то вроде защитного покрытия в слаженном терапевтическом альянсе с аналитиком. Так, пациент говорит: «Я чувствую, что на мне защитное пальто» (Voos, 2020).

Когда мы чувствуем себя изнутри, то мы чувствуем психологическое пространство. Здесь наши ужасы, страхи, конфликты, попытки решения проблем, чувства и желания. Иногда у нас возникает ощущение, что наше психическое пространство рушится: когда мы сталкиваемся с другим человеком и находимся в состоянии напряжения, чувствуем себя парализованными, ничего не чувствуем или должны немедленно избавиться от своих чувств.

Дети рождаются с желанием отношений, показывая свои эмоции взрослому. Взрослый человек может сопереживать и начать контейнировать чувства младенца, успокоить и удовлетворить потребности ребенка. Многие из этих процессов уже начинаются в утробе матери.

Молодая мать смотрит на своего ребенка и поглощает его чувства. Сначала она чувствует свое единение с ребенком. Затем ребенок приходит к матери со своими невыносимыми чувствами. Она общается с младенцем определенным образом, отмечая при этом свое выражение лица. Выражение лица и слова взрослого успокаивают младенца. Когда взрослые достаточно часто думают о ребенке, тогда ребенок учится думать о себе. Функция ментализации необходима для того, чтобы иметь возможность регулировать свои собственные чувства. Если взрослый занимается потребностями ребенка, то у ребенка возникает ощущение, что он заразил другого своими чувствами, граница между Я и другими размывается. Однако если взрослый не может достаточно сопереживать ребенку, то ребенок будет отброшен к себе, это делает ребенка чрезвычайно беспоконным. *Альфа-функция, сдерживание и ментализация тесно связаны. Они создают «психическое пространство».*

Если общение с матерью, отцом и другими взрослыми происходило много раз, то ребенок успокаивается лучше. Он создал *свой собственный внутренний контейнер*, в котором он может размещать чувства и проблемы. У него есть внутренняя картинка взрослых, которые когда-то успокоили его. В то время как изначально мать была «главным контейнером» для ребенка, далее добавляется все больше и больше важных людей.

Ребенок воспринимает мать/отца как кого-то, кому он или она может выразить свои чувства или с кем он может поделиться своими чувствами. Ребенок общается, и взрослые реагируют на это. Ребенок приходит к матери/отцу и плачет. Мать/отец берут его на руки и утешают. Ребенок переживает, что речь идет о его собственных чувствах. Возможно, он был настолько сердитым, обеспокоенным, голодным, что «заразил этим» мать/отца. Взрослый может помочь ему. Возможно, ребенок сталкивается с «засорившемся контейнером». Если у матери/отца слишком много забот, контейнер взрослого полон. Взрослый сейчас не имеет силы перерабатывать чувства ребенка. Если «взрослый контейнер» забит, то ребенок остается в полном одиночестве. Результатом является чувство холода, одиночества, отчаяния и безнадежности. Собственное чувство больше не может быть понято, оно больше не переработано. Это делает ребенка беспоконным. Ребенок боится и передает взрослому свои чувства, но обратно ничего не получает. Так ребенок вряд ли сформирует идентичность.

Когда младенец идентифицирует свою мать с собой, чтобы контролировать ее, он в конечном итоге чувствует, что она стала как контролирующее внутреннее присутствие, чей взгляд на реальность становится единственным взглядом. Это внутреннее присутствие является *архаичным Сверх-Я, которое узурпирует эго-функцию младенца по тестированию реальности*; новую часть Я, чей взгляд на реальность отменяет взгляд на собственное Я младенца.

Ужас, который испытывает младенец при столкновении с внешней реальностью, сводится к его вере в то, что теперь *он контролирует и обладает матерью внутри себя*; но в обмен на эту безопасность младенец приобрел ужасное внутреннее присутствие матери. Этот архаичный внутренний Бог, жизненно важный для выживания, когда Я младенца

незрело, становится угрозой независимому развитию младенца, развитию его собственного разума по мере созревания его Я. Таким образом, развитие включает в себя метаморфозу отношений с матерью: она должна постепенно уйти как источник безопасности, и растущий ребенок в своей борьбе за независимость должен столкнуться с неуверенностью, оставшись наедине с собой. Столкнувшись с опытом, разрываясь между его красотой и ужасом и достигая точки, которую мы не можем вынести, мы бессознательно отступаем к безопасности иллюзорного, но всемогущего родителя, который контролирует в остальном ужасающий мир. Этот родитель – архаичное Суперэго, которое создает наше бессознательное инфантильное Я, возлагая на разум родителя некие контролирующие функции; от его постоянства зависит само наше выживание. Чтобы спасти наши жизни, мы становимся хорошими гражданами внутреннего мира Оруэлла, с которым мы должны бороться за освобождение, если мы хотим назвать свою жизнь своей собственной (Casper, 2013).

Кожа является самым большим органом человека, связывая между собой отверстия. В современном мире, с точки зрения психоанализа, большое внимание уделяется поверхности кожи как месту разворачивания психического.

Изложенные А. Чикконе и М. Лопиталем шесть положений (Cicccone, Lhopital, 1991) о концепте психической кожи Э. Бик состоят в следующем.

– Части личности, воспринимаемые в своей самой примитивной форме, как если бы между ними не существовало никакой связующей силы, поддерживаются вместе посредством введения внешнего объекта, способного исполнить эту функцию.

– Интроекция оптимального объекта, матери, идентифицируемой данной функцией как контейнирующий объект, дает место фантазму внутреннего и внешнего пространства.

– Интроецирование контейнирующего объекта, переживаемого как кожа, который имеет функцию психической кожи.

– Интроекция внешнего контейнирующего объекта, дающего коже свою функцию фронта, предшествует запуску процессов расщепления и идеализации самости и объекта.

– При отсутствии интроекции контейнирующих функций проективная идентификация продолжается без остановки со всеми вытекающими отсюда путаницами идентификации.

– Нарушения интроекции происходят либо из-за неадекватности реального объекта, либо из-за фантазматических атак против него, что приводит к развитию формации «второй кожи» (Анзье, 2011).

Вторая мускульная кожа сверхразвилась ненормальным образом, поскольку явилась компенсировать серьезную недостаточность «Я-кожи» и ликвидировать изъяны, разрывы и дыры первичной контейнирующей кожи. Все нуждаются во второй мускульной коже как активной защите от раздражителей за счет нормально сформированного внешнего слоя «Я-кожи». Спорт и одежда часто выполняют функцию «второй кожи». Пациенты защищают себя от психоаналитической регрессии и обнажения

поврежденных частей и/или плохо интегрированных частей самости, занимаясь физической культурой до или после сеанса или оставаясь в пальто, даже укутываясь покрывалом, устроившись на диване во время сеанса.

Специфическая влеченческая загрузка мускульного аппарата и, стало быть, «второй кожи» оснащена агрессивностью (в то время как первичная тактильная «Я-кожа» загружена влечением привязанности или цеплянием или разговором с самим собой): атаковать – эффективный способ защиты; это способ опередить события, предохраниться от опасности, удерживая ее на расстоянии.

Психическая аномальность, присущая второй мускульной коже, не позволяет отличать оболочку защиты от раздражителей от оболочки поверхности записывания, отсюда нарушения в коммуникации и мышлении. Объяснение может быть следующим: если возбуждения, полученные от гипертонической матери и/или от первичного окружения, были слишком интенсивными, непоследовательными, резкими, психический аппарат, вместо того чтобы качественно фильтровать их, начинает искать возможности количественной защиты. Если экзогенные возбуждения были слишком слабыми, поскольку исходили от депрессивной матери, замкнутой на самой себе, то практически нечего фильтровать и возникает необходимость в поиске эндогенных возбуждений. В обоих случаях «вторая кожа» полезна, будь то для усиления внешней защиты или активации внутренней.

Телесные практики представляют собой формы проявления психического конфликта или его заглушения, состоят из способов субъективации. Татуировки, пирсинг – это знаки, то есть формы языка, указывающие на субъективность, задействованные в поиске идентичности и процессе самовыражения субъекта. Татуировка может наноситься просто в эстетических целях, как идентификационный признак группы или как выражение индивидуальности.

На данный момент есть несколько теорий происхождения слова «татуировка»:

– От созвучий «та-татау», «тату», «та-тат-тори» – представляют собой звукоподражание шуму «тат-тат-тат», являющемуся результатом постукивания по инструменту, с помощью которого производится татуировка.

– От явайского слова «тату» – рана или раненый.

– От полинезийского «тату» – рисунок, или «Тики» – имя полинезийского бога, который ввел татуировку как отличительный признак племени.

– От таитянского «та» – картинка, «ату» – дух. Означает «бить», «рисунок на коже».

В ранние периоды истории человечества телесные искусства были в основном в ритуальном, сакральном, магическом и социальном контексте, служа при этом маркировкой центральных этапов жизни, таких как инициация, посвящение, прощание с детством и интеграция во взрослый мир, рождение первого ребенка, смерть первого животного и др. Тесная связь между татуировкой и сексуальностью характерна для многих племенных общин.

Одного татуирования недостаточно, чтобы «вторая кожа» выросла, только в терапии начинается психизация этого процесса. Поэтому есть люди, полностью покрытые татуировками. Что происходит в момент нанесения татуировки? Можно предположить, что нерепрезентированное неудовольствие трансформируется в физическую боль, которая оставляет след на коже, который, в свою очередь, обретает статус «эмблемы», наполняется (инвестируется) либидинально, наделяется историей и смыслом.

Такое украшение, как татуировка, имеет свойство быть постоянной. Даже после удаления остается след (как «Волшебный блокнот» Фрейда). Можно ли думать о поиске возможности придать телу осознанность, даже через боль?

Памятные следы в виде проторепрезентаций остаются на теле после прокалывания во время пирсинга, так и во время прокалывания образов татуировок.

Молодые люди сегодня находят татуировки выражением поэтического или эзотерического самоопределения. Границы восстания против взрослых порядков временны, как и границы деструктивных действий, направленных на тело (Хирш, 2010).

Пирсинг и татуировки обеспечивают временную остановку в дезориентированном мире. Однако они затем становятся устаревшими и контрпродуктивными, когда они постоянно переходят к психической регуляции, потому что память наложена на кожу как мертвый знак.

Сублимация – главный процесс нарциссического либидо. Кожа – психическое пространство, на котором «вторая кожа» формируется силами сублимации. Что-то неприятное превращается художественным путем в приятное.

В аффекте большой заряд возбуждения, и он может находить свой выход в татуировке, или таким же образом происходит с влечениями, отделившимися от представления и блуждающими в поисках разрядки. Неудовольствие сначала находит место на теле, а потом трансформируется то ли в фетишистское, то ли в художественное удовольствие – аффективный аспект этого процесса.

Компромиссное образование формируется в терапии: пациенты приходят с продырявленной «Я-кожей», и благодаря контейнированию они со своей стороны художественно обретают, создают «вторую кожу» вместе с терапевтом во время терапии. «Вторая кожа» выполняет защитную функцию – как материнская кожа в младенчестве. Кадр становится синонимом второй кожи: пациент перфорирует кадр как кожу.

Основные выводы.

– Термин «вторая кожа» описывает различные формы контейнирующей функции, куда относятся замещающий протез, мускульный эрзац и аналитическая ситуация с учетом окружающей обстановки и проработки первичной зависимости от материнского объекта.

– Пациенты с исследуемой проблематикой нуждаются в постоянном внимании и похвале. Вторая кожа защищает и укрывает внутреннюю поверхность самости, идентифицированную в качестве «мешка», и контейнирует поврежденные части психики; такого рода повреждения могут

возникать как последствия архаических нарушений в период вскармливания; в этом состоянии пациент восприимчив, беспокоен, настойчиво требует внимания и похвал, опасается катастроф и крушений.

– Ключевой конфликт пациентов со «второй кожей» формируется в ранней стадии их развития, начиная с грудного вскармливания, при этом проблемы сепарации с материнским объектом и сложности эдипова конфликта остаются актуальными.

– Возникновению защитного механизма «второй кожи» способствуют два фактора: если контейнирующая функция не осуществлена адекватным образом матерью или если ей причинены повреждения деструктивными фантазматическими атаками младенца.

– Из клинического опыта работы Д. Анзье: психоаналитическая работа с идеями пространственных отношений и психических контейнеров пациентов должна предшествовать работе с чувствами, мыслями и фантазиями. Сначала мы должны восстановить и укрепить «Я-кожу», прежде чем мы сможем исследовать содержание бессознательного.

– Изучение и символизация телесных практик (татуировки, пирсинг) вносят динамику в психоаналитический процесс. Татуировка, пирсинг предлагают субъекту поверхностную идентичность, завершение работы по формированию которой происходит в терапии.

– Телесные модификации представляют собой радикализацию реального: когда символический порядок больше не производит социальный порядок, символическое сводится к реальному, оно инкорпорируется, воплощается.

– За феноменом моды на татуировки, пирсинг скрываются способы субъективации, которые отвечают социально-историческим обстоятельствам. Внезапное увлечение телом является результатом индивидуализма, выраженного через культуру нарциссизма.

– Важно исследовать работу сублимации и в процессе каждой сессии – через уточнения, повторения, интерпретации, интервенции – обращаться к объекту (объектные отношения с Другим, чтобы либидо было направлено на объект). При этом присутствует риск развязывания влечения к смерти, если либидо направлено только на творческие процессы. Признать инаковость Другого – важный аспект в работе с пациентами.

– Перерывы в работе всегда ощущаются пациентами как разрыв «Я-кожи». Терапевтическая работа с недостатками в функциях «Я-кожи» может привести к переходным состояниям дезинтеграции. Поэтому психоаналитическая работа строится на четком и фиксированном кадре. В процессе работы понадобится выдерживать постоянные «перфорирования» (атаки) на кадр.

– Ключевым аспектом психоаналитического процесса является бережная работа с переносом в процессе терапии, особенно когда пациент направляет деструктивные аспекты Я на терапевта. Выдержав этот период работы, можно надеяться на возникновение терапевтического альянса.

– С учетом сепарационной тревоги пациентов завершение терапии должно происходить постепенно и включать как минимум шесть завершающих сессий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анзье Д.* Я-кожа / Под науч. ред. С. Ф. Сироткина, М. Л. Мельниковой. Ижевск: ERGO, 2011. 302 с.
2. *Сироткин С. Ф., Мельникова М. Л.* Психология и психопатология кожи. Тексты. Ижевск: ERGO; М.: Когито-Центр, 2011. 384 с.
3. *Ульник Х. К.* Кожа в психоанализе. М.: Когито-Центр, 2017. 277 с.
4. *Хирш М.* «Это мое тело... и я могу делать с ним что хочу»: Психоаналитический взгляд на диссоциацию и инсценировки тела. М.: Когито-Центр, 2018. 381 с.
5. *Werbart A.* (2019) The Skin is the Cradle of the Soul: Didier Anzieu on the Skin-Ego, Boundaries, and Boundlessness. *Journal of the American Psychoanalytic Association.* 18.
6. *Bick E.* (1968) The experience of the skin in early object-relations // *International Journal of Psychoanalysis.* Vol. 49. P. 484–486.
7. *Ciccone A., Lhopital M.* Naissance à la vie psychique. Paris: Dunod, 1991.
8. *Costa A.* (2003) Tatuagens e marcas corporais: atualização do sagrado. São Paulo: Casa do Psicólogo.
9. *Courtine J. J., Corrbin A., Vigarello G.* (2008) História do corpo. Petrópolis: Vozes. Vol. 3 (As mutações do olhar: século XX).
10. *De Oliveira Moreira et al.* (2010) Inscrições corporais: tatuagens, piercings e escarificações à luz da psicanálise. *Latinoam. Psicopat. Fund.,* São Paulo. Vol. 13. No 4. P. 585–598.
11. *Pires B. F.* (2003) O corpo como suporte da arte: piercing, implante, escarificação, tatuagem. São Paulo: Editora Senac.
12. *Caper R.* (2013) Building Out into the Dark Theory and Observation in Science and Psychoanalysis (z-lib.org). London.
13. *Voos von D.* (2020) "Zweite Haut" statt psychischer Raum, 08. <https://www.medizin-im-text.de/>

The phenomenon of «second skin»

M. R. Stefanovska

Stefanovska Margarita R., MPsych, psychologist (Higher School of Economics), psychoanalytic counsellor.

The term «second skin» and its concept, formulated by Esther Bick, have existed in psychoanalytic theory since 1968. In the psychoanalytic space the concept of D. Anzler «I-skin», whose term is more commonly used in the psychoanalytic environment, therefore, the term «second skin» requires additional explanations – both the meaning of the term and the concepts associated with it.

The study of the origin of the term «second skin», as well as consideration of the development of interpretations of the term «skin» in the psychoanalytic space, can contribute to a better understanding of the concept of «second skin». It is equally important to clarify the differences of authors in terminology, in views on «skin» in psychoanalysis. Is the «second skin» equivalent or part of the «I-Skin», or is it a separate term, a continuation of skin research in the psychoanalytic field?

Skin – excitation protection layer, container, shell, envelope. Continuing the chain of definitions of «skin», can we add: skin as «psychic stage» and skin as «canvas»? What is the role of tattoos and piercings in psychoanalytic work with patients and how is it connected with the evolution of the concept of «second skin»?

Frequent tattooing on the skin, piercing the skin (piercing) is observed in depressive, melancholic subjects, especially in adolescents. The importance and complexity of working with which is voiced during psychoanalytic conferences.

Keywords: skin, «Ego skin», «second skin», container, envelope, tattoo, piercing, piercing, border, introjection, phantasm, attraction, incorporation, depressive, melancholic, subject, object, aggression, body, trauma, space, anthropology, philosophy, the body self, the psychic self, Super – Ego, projection, skin trace, body surface, theory, concept, pain, pleasure, hole, catfish, layer, circuit, narcissism, identity, otherness, regression, libido, metaphorical, mental, perceptu, perforation, attack, frame, self-harm, symbolization, proto-representativeness, analytical process, phenomenon, radicalization, exhibitionism.